

КОНФЕРЕНЦИЯ

«МИР ЧЕЛОВЕКА: НОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ — 3»

(13 — 15 июня, Саратов, Россия)

О Б З О Р

REVIEW OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE «HUMAN WORLD: NORMATIVE DIMENSION» (13 — 15 JUNE 2013, SARATOV, RUSSIA) (REVIEW BY A. DRONOV, V. KOSYKHIN)

Discussion of the range of problems associated with the concepts of rationality and legitimacy, was due to the necessity of closer collaborative research of philosophers and theorists of law. Plenary and section reports covered such topics as the crisis of legitimacy of various institutions of modern society, genealogy of social norms, justification of moral norms, communicative concept of law; exploitation of the concept of «legitimacy», forms of social memory and self-legitimation of power.

Keywords: legitimacy, rationality, morality, law, philosophical and legal hermeneutics.

13 — 15 июня 2013 г. в Саратове прошла конференция «Мир человека: нормативное измерение — 3», организованная кафедрой философии Саратовской государственной юридической академии. Традиция, пусть и недолгая, проведения таких мероприятий поддерживается уверенностью организаторов в необходимости встреч философов и юристов (а также политологов, социологов, лингвистов etc.) ради обсуждения проблем, связанных с современным пониманием природы норм. Для прошедшей в июне конференции круг обсуждаемых участниками проблем более узко задавался соотношением рациональности и легитимности. Во встречах приняли участие философы и юристы из Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Пензы и Харькова (Украина). Помимо пленарных заседаний обсуждения шли в рамках трех секций: 1) «Философские проблемы нормативности»; 2) «Рациональность этического и политического»; 3) «Легитимность и рациональность права». Однако права очевидцев позволяют нам описать работу лишь первой секции и пленарного заседания. Более полную картину может дать опубликованный сборник ее материалов.¹

Работу конференции открыл доклад ее главного инициатора и организатора *Игоря Дмитриевича Невважай* (Саратов, СГЮА) «Правовая философия: от рационально-

¹ Мир человека: нормативное измерение–3. Рациональность и легитимность: Сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 13–15 июня 2013 г.) / [редкол.: И. Д. Невважай (отв. ред.) и др.]; ФГБОУВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2013. — 358 с.

сти de facto к рациональности de jure». В своем выступлении докладчик отталкивался от констатации кризиса легитимности различных институтов современного общества, связывая затруднения рациональной легитимации с ограниченностью «рациональности de facto» как таковой. Неопределенность понятия факта и сама неспособность факта выступать ценностным основанием действия позволяют, по мысли докладчика, обратиться от логики констатации к логике прескрипции, основанной на усмотрении должного. С последней связывается понятие правовой философии, которую И. Д. Невважай строго отличает от традиционной философии права. В отличие от философии права правовая философия не ограничивается специфическим регионом социально-правовых отношений, но претендует на расширение понятия права и связана с истолкованием мира как горизонта рационального человеческого действия, поступка. Именно в этом докладчик видит «антропологический характер правовой философии», способной обновить понимание многих философских проблем.

Продолжил пленарное заседание доклад *Алексея Эдуардовича Савина* (Москва, ИФ РАН) «Генезис нормативного социального порядка как философская проблема», в котором сам кризис легитимности социальных установлений принимался докладчиком в качестве необходимого условия, позволяющего философское осмысление обнаженных этим кризисом истоков социального порядка. В качестве двух основных подходов к генеалогии социальных норм в современной философии докладчик назвал подходы Б. Вальденфельса и А. Хоннета, предложил их развернутое сопоставление, а в завершение предпринял попытку применения их языка к описанию современного российского правосознания и его «кризиса». Оба рассматриваемых подхода сближает внимание к роли Другого в качестве источника становления социальной нормы. Известного рода неопределенность, принимаемая здесь в расчет, отличает эту позицию от «нормалистских» (по Вальденфельсу) концепций, в основе которых лежит представление о возможности рациональной калькуляции социальных изменений. Вальденфельс противопоставляет респонсивность — интенциональности, подразумевая, что социальное действие разворачивается не столько в стихии более или менее свободной реализации субъектом своего интереса, сколько посредством более или менее вынужденного ответа на «притязания Другого (чуждого)». Позицию Хоннета отличает менее выраженный акцент на чуждости и полагание первичного взаимного признания субъектами друг друга, обнаружению которого служат различные формы его нарушения, в основе которых лежит та или иная форма пренебрежения. Обращая внимание на перспективу дальнейшего роста и седиментации пренебрежения как результата наказания преступника (вопреки перспективе исправления и гегелевского «снятия»), А. Э. Савин указывает на возможность нормализации и легитимации формально «преступных» или резистантных действий и сообществ. Речь идет о нормализации, пропорциональной все более нерациональному (соотв. «ненормальному») с позиции рациональности здравого смысла репрессивному «исправлению». Такое допущение позволяет представить современное российское правосознание как амальгаму, состоящую из 1) «остатков доверия формальному праву и его институтам», 2) доформально-правовых структур сознания и 3) «понятий», «сформировавшихся в ходе противостояния формальному праву протестных и преступных сообществ».

Доклад *Рубена Грантовича Апресяна* (Москва, ИФ РАН) «Нравственность и легитимность» разрушил наметившееся в первых докладах единодушие относительно факта кризиса, охватившего легитимность. По мнению Р. Г. Апресяна, кризис отдельных форм традиционных институтов или недоверие отдельным лицам, персонифицирующим те или иные социальные инстанции, не ставят под вопрос легитимность самих традиционных институтов, таких как семья, армия, церковь и государство. С еще меньшими основаниями понятие легитимности (и ее кризиса) может быть распространено на область этических норм, включая так называемые профессиональные этики. Для демонстрации последнего тезиса докладчик предпринял краткий обзор контекстов традиционного (у Дж. Локка и М. Вебера) и более современного (у П. Стилмана и Д. Битема) употребления и определения понятия легитимности. Исходя из понимания легитимности как предмета конкурентных отношений между властью и обществом, необходимо предполагающих обособленность и «фрагментированность» социальных агентов, выносящих оценку деятельности друг друга на основе некоторой общей им «ценностной модели», Р. Г. Апресян усматривает принципиальную невозможность соотнесения морали с так понимаемой легитимностью: «Мораль, в отличие от власти, не отчуждена от людей; каждый человек находится «внутри» морали; каждый человек представляет мораль так же, как ее представляет любой другой». Как следствие, докладчик констатирует нерелевантность понятия легитимности сфере моральных оценок: «Не вижу дискурсивных условий, при которых сами критерии, в соответствии с которыми высказываются моральные суждения и осознаются моральные повеления, из какого бы источника они ни исходили, могли бы оцениваться как легитимные или нет». Принимая во внимание наличие базовых моральных ценностей (невреждения, признания, солидарности и заботы), не становящихся и сегодня предметом моральных суждений, но, напротив, неизменно выступающих их условиями, автор доклада выразил убежденность в бессосновательности разговоров о кризисе легитимности.

Продолжением разговора о возможности смены устоявшихся норм и самой нормализации такой смены стал доклад *Софьи Владимировны Тихоновой* (Саратов, СГЮА) «Эволюция нормы в философии трансгуманизма». Вкратце представив само течение трансгуманизма как направление, исходящее из принципиальной открытости человеческой природы и возможности ее сознательной трансформации (отсюда вытекало негативное восприятие его представителями любой консервирующей фактическое положение дел социальной нормы), докладчица отметила изменения в направленности обсуждения понятия нормы, сопровождавшие эволюцию течения с 60-х годов прошлого века до наших дней. Три различных периода этой эволюции характеризовались переходом от представлений ранних имморталистов (Р. Эттингера, Ф. Эсфендиари), не уделявших большого внимания социальным аспектам технического преодоления границ человеческой биологии, через идеи экстропианства, представленные М. Мором, который вводит понятие «самособственности» для обозначения исключительного права индивида на распоряжение собственным телом и существованием в обход сдерживающих норм традиционной морали, к дискуссиям вокруг новых биотехнологий, в частности в связи с проблемами генной инженерии

и клонирования человека. В частности, докладчица уделила некоторое внимание аргументам Н. Бострома, касающимся проблемы достоинства человека, поскольку эта проблема была затронута сторонниками биоконсерватизма в качестве основания при подготовке декларации ООН о запрете клонирования человека.

Пленарное заседание второго дня открылось докладом *Андрея Николаевича Павленко* (Москва, ИФ РАН) «Онтологическая Пропись, рациональность и законность», который представил своеобразный подход к обсуждению проблем плюрализма ценностей, рационального основания норм и их «естественного» характера. Понятием онтологической прописи докладчик обозначил сферу всех непротиворечивых утверждений. Поскольку требование непротиворечивости является минимальным формальным требованием к закону как таковому, постольку всякое фактическое нормотворчество можно представить в качестве «обведения» контуров логически допустимого. Из перспективы существования единой онтологической прописи многообразие разноречивых правовых норм предстает очевидной проблемой. Эту разноречивость А. Н. Павленко связывает с несводимостью различных систем ценностей (гуманизм, космизм, теизм), «высшие ценности» которых (человек, природа, Бог) имели периоды своей исторической гегемонии. Каждая система ценностей может обладать собственной «рациональностью», что позволяет каждой из них соответствовать единству «онтологической прописи». Затрагивая проблему свободного (и одновременно рационального) выбора, докладчик приходит к констатации иллюзорности его свободы и связывает понятие ценности с наличием сферы «предвыбранных» оснований, служащих отправной точкой для дальнейших логических импликаций (последовательности «выбора»).

В докладе *Андрея Васильевича Полякова* (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Коммуникативные основы философии права С. Л. Франка» речь шла об основных идеях работы С. Л. Франка «Духовные основы общества», которые были представлены в качестве раннего предвосхищения коммуникативной концепции права. При этом докладчик акцентировал внимание на значимости для С. Л. Франка не только и не столько внешних и выраженных форм связи и общения между людьми, сколько *имплицитной коммуникации*, связывающей общественное целое. Несмотря на более позднее происхождение и современное звучание самой этой терминологии, различие между эксплицитной и имплицитной коммуникацией является внутренним для концепции Франка и, кроме того, ясно маркирует различие между московской (П. И. Новгородцев, И. А. Ильин, А. С. Яценко, Н. Н. Алексеев и сам С. Л. Франк) и петербургской (Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Г. Д. Гурвич) школами правоведения. Представление об имплицитной коммуникации как об опережающем внешнее общение людей базовом доверии и признании одним лицом другого, вере в значимость для другого предположительно всеми разделяемых ценностей и идеалов, сближает концепцию Франка с некоторыми установками феноменологической философии и философии диалога, с идеей интерсубъективности. Именно это представление о внутренней связи и негласном признании, «мы»-сознании, удерживается Франком за понятием соборности. В этом же первичном признании (или непризнании) видятся ему основания устойчивости общественной системы и легитимности

власти. И этим же представлением объясняется его субстанциалистское понимание самого общества как «подлинной реальности». По мнению А. В. Полякова, сходное понимание правовой реальности как «коммуникативной нерасчлененной целостности» существенным образом восполняет понимание права как простой совокупности внешних индивиду правовых норм.

Доклад «Метаморфозы легитимности», представленный *Юрием Евгеньевичем Пермяковым* (Самара, СаГА), был ориентирован продемонстрировать неблагополучие самого понятия легитимность, превратности его использования в современной политической и правовой теории. Речь, в частности, идет о превращении понятия легитимности из инструмента оценки обществом правомерности тех или иных решений властей и самой состоятельности властной инстанции в инструмент оценки самого общества, его состояния, властью. К апориям легальности и легитимности докладчик относит ставший привычным опыт апелляции к «чрезвычайным обстоятельствам», оправдывающий подмену применения правовой нормы — политическим решением, и более широкий контекст *исключения*, описываемый Дж. Агамбеном как оформление права и правила вывода из-под действия обычного правила. Легитимация нелегальной приостановки того или иного нормативного акта (отдельных статей конституции или законодательства в целом), примеры которой можно находить в текстах В. И. Ленина или К. Шмитта, отсылает к определенной «исторической ситуации», которая актуализирует «обеспечение безопасности» или борьбу с «врагом», и опирается на скрытую подмену учреждающей и учреждаемой легальности (сохранение полномочий первой в границах второй). Собственно, озабоченность расширением этой практики легитимации фактически любого насилия власти (через распространение «парадигмы безопасности» и нормализацию «чрезвычайного положения») и составила главный нерв прозвучавшего доклада.

Дополнением к общефилософскому и юридическому контекстам обсуждения природы норм и проблемы их легитимности стал разговор о подходах к обоснованию моральных норм, инициированный докладом *Александра Владимировича Разина* (Москва, МГУ) «Обоснование морали: о приложимости критерия истины к нормативным фактам», последним в серии пленарных выступлений. Докладчик соотнес стилистику обоснования моральных норм в противостоящих друг другу абсолютистской и утилитаристской концепциях, затронул проблему (не) выводимости прескриптивных высказываний из дескриптивных, обнаруживая симпатию к возможным перспективам такого вывода и, в целом, к рассудочно более обеспеченной утилитаристской модели. В завершение, противопоставив «этику долга» «этике добродетели», А. В. Разин предложил прогноз такого прогрессивного развития общества, при котором этика долга станет избыточной и постепенно отомрет, тогда как подпитывающий этику добродетели личный интерес перестанет входить в противоречие с общим благом.

Во второй половине дня работа конференции продолжалась в форме секционных заседаний. Серию выступлений на секции «Философские проблемы нормативности» открыл доклад *Данила Александровича Аникина* (Саратов, СГУ) «Легитимность и историческая идентичность в социально-философском измерении». В своем вы-

ступлении докладчик связал разговор о формах социальной памяти с процедурами отождествления и создания идентичностей, соответствующих объектам политического дискурса, призванного служить самолегитимации власти. Особое внимание было уделено проблеме производства и воспроизводства искусственных конструкций в поле коллективных воспоминаний, наличия особой политики, затрагивающей памятники и символы, а также опекающей работу забвения и ностальгии.

Проблема ускользающего истока нормы, определяющей законосообразное для той или иной области, сходным образом, хотя и в различных контекстах рассматривалась в докладах *Дмитрия Алексеевича Гусева* (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Нормативное измерение научной рациональности: стратегии легитимации» и *Светланы Владиславовны Гусевой* (Саратов, СГЮА) «Онтологическая сущность презумпции: ценность или рациональность?» И если для первого докладчика важным было указание на внешнее и не контролируемое со стороны самой науки происхождение ее нормативности (в качестве образца демонстрации этого тезиса Д. А. Гусев ссылается на исследования М. Фуко), то для второй докладчицы значимостью обладал тезис о ценностном характере презумпций (в частности, господствующих в правовых системах), что указывает на недопустимость понимания презумпции как следствия рационального выбора. Можно увидеть близость этого положения использованию понятия «предвыбора» в докладе А. Н. Павленко, а прозвучавший на следующий день доклад А. Б. Паткуля считать развернутым в ином контексте продолжением разговора о возможности «внутренней», то есть задаваемой самой наукой ее нормативности.

В докладе «Нормативность права: экзистенциально-онтологическое измерение» *Алексей Вячеславович Стовба* (Харьков, Харьковский национальный университет) представил пример интерпретации правовых отношений в понятиях, восходящих к экзистенциальной аналитике *Dasein* М. Хайдеггера. Исходя из недопустимости ограничивать сферу права областью формально закрепленных норм, докладчик предложил рассматривать позитивное право как онтологически фундированное в области «внепозитивного», доформального права, и именно в сфере последнего описывать феномены, придающие смысл эксплицитным теоретико-правовым понятиям.

Доклад *Алексея Владимировича Дронова* (Саратов, СГЮА) «Что из того, что великие рассказы потеряли свою значимость? Легитимность, представление и непредставимое» был обращен к перепрочтению доклада Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», часто служащего образцовым описанием «кризиса легитимности» традиционных институтов. В этом перепрочтении основное внимание уделяется понятию представления, подвергаемому критике не только Лиотаром (речь идет о способности истины быть нарративно представленной). Через сближение с хайдеггеровским контекстом доставляемого основания и рансьеровским понятием «неучтенных» (попытки самопрезентации которых задают пространство политики как таковое), докладчик предлагает понимать «легитимацию через паралогию» (Лиотар) в определенном контексте критики представляющего мышления, но отнюдь не в качестве программы антирационализма вообще (часто ассоциируемой с постмодерном в его широком, нелиотаровском понимании).

Завершающим было выступление *Ольги Викторовны Костиной* (Саратов, СГЮА) «К истоку бытия в измерении нормативности», в котором разговор о норме сместился в области онтологии и эстетики или, скорее, в зону их возможного пересечения, туда, где эстетическая норма могла бы получать свое оправдание из горизонта меры, исходной формы или онтологического «начала».

Второй день работы секции «Философские проблемы нормативности» также был отмечен серией интересных выступлений. *Виталий Георгиевич Косыхин* (Саратов, СГУ) сделал доклад «О диалоге философской и юридической герменевтики». Рассматривая дистанцию между философским и юридическим истолкованием, автор доклада поднимает вопрос о некоем общем поле интерпретации для философской и правовой герменевтики, где ситуация взаимного сближения могла бы преодолеть потенциальный «конфликт интерпретаций». Герменевтика как мышление современности исходит из постулата о неспособности классической метафизики служить абсолютным обоснованием знания. Интерпретативная природа истины обнаруживает множественность возможных оснований и в принципах философии, и в понятиях и нормах права. В области права это приводит к все более явному покиданию идеи «субстанциальной» справедливости, полагающей, что закон должен указывать прямой путь к восстановлению справедливости, являясь ничем иным, как ее зеркалом, объективным и достойным доверия. Отсюда главная общая задача философской и юридической герменевтики — «создание нового, иного, чем раньше, чувства законности». «Представление справедливости» и «оправдание силы» — формы, в которых интерпретация находит свое применение, касается ли это герменевтики философов или правоведов. Но за лежащим на поверхности различием видится высшая цель интерпретации — установление мира. Возможно, такое состояние мира между герменевтиками философии и права и является тем естественным, лишенным взаимного недоверия состоянием классического *tranquillitas ordinis*, к которому они пытаются вернуться в своем диалоге о том, «как сделать закон справедливым».

Евгений Витальевич Малышкин (Санкт-Петербург, СПбГУ) выступил с докладом «Нормализация отношения к понятию бесконечного: классическая рациональность и множественность типов очевидности». В отличие от онтологического и теологического представления о бесконечности, господствовавшего в средневековой философии вплоть до ее завершения, Новое время открывает математическое понятие бесконечности. Уже у Николая Кузанского постижение бесконечного составляет цель обученного незнания, а математические построения приравниваются к упражнениям в добродетели. Для Декарта бесконечность это и цель познания, и необходимое основание для всякого конечного мыслящего бытия. Знание о бесконечном является нормативным для «всякого, кто решил посвятить себя занятиям науками». Бесконечное есть имманентная реальность протяженного как беспредельное. Понятое геометрическим образом, протяженное служит обоснованием телесной явленности беспредельного не только в физике и философии Нового времени, но также и в политике. Гоббс начинает в «Левифане» обсуждение политического тела, которое, подхваченное просветителями, находит полное выражение у Гегеля и Маркса в безграничной экспансии своей тотальности. Это приводит нас к идее дистрибуции знания, рас-

пределяемого между разными индивидами и группами, дистрибуции, обладающей разными степенями всеобщности. Три вида дистрибуции — уникальный, всеобщий и ограниченный — проявляются в текстах философской традиции, непосредственно ориентируясь на аудиторию, которая могла бы иметь дело с данными философскими дискурсами.

Андрей Борисович Паткуль (Санкт-Петербург, СПбГУ) в докладе «Нормативная и теоретическая трактовки логики в “Логических исследованиях I” Э. Гуссерля» поднял вопрос о значении логики как нормативного наукоучения для формирования феноменологической методологии. Подобная «чистая логика», по замыслу Гуссерля, должна выявлять исходные условия научного знания, то, что может соотноситься с порядком научности. Программа исследования «чистой логики» была призвана исследовать возможности установления норм научного познания внутри самой науки, либо возможность их установления со стороны иной, внеположной для науки инстанции. Нормативное наукоучение «чистой логики» должно мыслиться не из существующих представлений о науке, но на априорной основе. Гуссерль отличает нормативную дисциплину от теоретической или практической, указывая на ее связь с ценностным порядком организации знания (установлением норм научного познания смыслов) и отрицая ее применимость как практического руководства. В целом, «чистая логика» как наукоучение призвана решать три задачи: фиксацию чистых категорий значения, установления содержащихся в категориях законов и теорий, формирования теории о возможных формах научных теорий.

Особое место на секции заняли «логические» доклады, т. е. либо прямо исходившие из интересов решения некоторой региональной задачи в логике (как в случае А. Г. Кислова), либо стремившихся задействовать ее формальные средства для решения более широкой проблемы (каким было выступление Д. П. Суrowягина). Доклад *Алексея Геннадьевича Кислова* (Екатеринбург, УрФУ) «Интенциональная семантика действий, норм и санкций» продемонстрировал возможности пропозициональной динамической логики в сфере описания нормирующих высказываний. В частности, были представлены формы записи основных деонтических операторов в динамической логике через высказывания, использующих константу «санкция» и на основе системы оценок, которые представляют собой примеры формализации высказываний, близкой естественному языку. Доклад *Дмитрия Павловича Суrowягина* (Саратов, СГЮА) «Редукция оценочных высказываний и моральный функционализм» представил перспективу элиминации оценочных терминов из оценочных высказываний (без утраты последними своего смысла). Со ссылкой на исследования Ф. Джексона и Ф. Петита докладчик представил функционалистскую теорию морали и возможности установления в ее границах соответствия между оценочными (этическими) и дескриптивными (физическими) терминами. К этим сюжетам и темам многое добавили внеаудиторные на улицах, палубах и в ресторанах вечернего города. И стоит надеяться, что событием они стали не только для него.

Обзор подготовили *А. В. Дронов, В. Г. Косыхин*